

2. Государственный образовательный стандарт (национально-региональный компонент) образования в период детства, основного общего и среднего (полного) общего образования Свердловской области. Екатеринбург, 1999. С.72-79.
3. Татищев В.Н. Предложение о сочинении истории и географии // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.
4. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М., 1971. Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири 19 - первая половина 20 вв. Л., 1970.
5. Головнев А.В. Говорящие культуры. Екатеринбург, 1995. Миловский А.С. Песня Жар-Птицы. М., 1987. Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. М. 1998. Басилов В.Н. Избранники духов. М., 1984. Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск, 1999. Соколова З.П. Животные в религиях. СПб, 1998.
6. Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
7. Хайд П. Уральские языки и народы. М., 1985.
8. Этногенез народов Севера. М., 1980.
9. Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. I. М., 1956.
10. Смирнов В.А. Учитель и книга. М., 2002.
11. Историческое образование в современной России. Справочно-методическое пособие для учителей. М., 1997. С.52.
12. Алексашкина Л.Н. Школьные учебники истории: тенденции и перспективы // Преподавание истории и обществознания в школе. 2002. № 2. С.56 - 59.

Бахтина И.Л. (Екатеринбург)

Расширение сети общеобразовательных школ на Урале в 1920-е гг. и проблема их материального обеспечения

Стабильность и прогресс в образовательной сфере всегда были и будут залогом устойчивого развития общества, и наоборот, если школа переживает кризис, то это не только симптом, но и в значительной мере причина социального благополучия. В новейшей истории России был период, в определенной степени эквивалентный современному этапу отечественного развития. Мы имеем в виду первое десятилетие советской власти. Особенно это сходство относится к сфере народного образования: тогда, как и сейчас, происходили процессы резкого изменения идеологических, и, в частности, образовательно-педагогических ориентиров на фоне столь же глобального падения национального дохода, в первую очередь затронувшего школу. Мы не будем бездумно отвергать прошлое. Советская история- это наша история, и, возможно, изучение и анализ особенностей развития советской школы в годы новой экономической политики поможет нам в поисках выхода из того критического состояния, в котором в наши дни находится российская общеобразовательная школа.

Особенностью культурного развития Урала в 1920-е гг. было отставание региона от других краев и областей страны в развитии образования. По всесоюзной переписи 1926 г. грамотность населения Уральской области составляла 40 %, в том числе городского- 59,4%, сельского- 34,4% (1). Данные свидетельствуют не только об отставании Урала по состоянию школьного образования от средних показателей по РСФСР (69,2%) (2), но

и о различном уровне состояния обучения детей в отдельных зонах Урала. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. предельным сроком для введения на всей территории республики обязательного всеобщего начального обучения в объеме начальной школы был определен 1933/34 уч.год, а общедоступность начальной школы при добровольном ее посещении должна была быть обеспечена к десятилетию Октябрьской революции, т.е. к 1927 г. Решить задачи подготовки к переходу на всеобщее обучение нельзя было без соответствующей сети школ и укрепления их учебно-материальной базы. Если говорить об Урале, то недостаток школ, слабость их материальной базы были одними из серьезнейших препятствий на пути развития начального всеобщего и школьного образования вообще.

Школьная сеть на Урале включала в себя следующие типы школ: школы I ступени или начальные, повышенные школы-семилетки и девятилетки, школы II ступени, школы крестьянской молодежи (ШКМ), фабрично-заводские школы, а также небольшое количество школ конторского и торгового ученичества. Школы открывались и из-за недостатка средств к существованию закрывались, особенно это касалось деревенских школ. Школьная сеть сокращалась вследствие объективных причин (например, голод 1921-22 гг.) и реорганизовывались (например: часть школ второй ступени была реорганизована в семилетние школы, на базе ряда других возникли техникумы.)

Школьная сеть в начале 1920-х годов превышала довоенную, что являлось результатом колоссальной тяги к знанию среди населения. Школы открывались стихийно. В 1920 году сеть начальных школ на территории Уральской области составляла 6052 учреждения с 445349 учащимися. В этих учебных заведениях учили только грамоте по старым букварям и книгам. Ни учебников, ни письменных принадлежностей не было ни в школах, ни в отделах народного образования. Почти весь первый 1919/20 уч. год на Урале прошел в таких условиях. Лишь немногие школы, откуда учителя не сбежали с Колчаком и где не стояли штабы или военные части, были в лучших условиях, здесь сохранились старые запасы бумаги, грифелей, мела и прочих учебных принадлежностей (3).

В создании новых школ, особенно в деревне, было много стихийного. Обычно крестьяне арендовали чью-нибудь избу, заготавливали дрова, покупали канцелярские принадлежности и просили прислать к ним учителя. В исполкомы местных советов шел нескончаемый поток таких просьб. Иногда по поручению сельского схода уполномоченные крестьяне договаривались с учителем и школа открывалась без ведома отдела народного образования. Некоторые школы, созданные на одном энтузиазме, вскоре закрывались, хотя продолжали числиться как действующие.

Суровые испытания пришлось перенести школе в голодные 1921-22 гг. Сеть школ, превысившая к 1920 г. дореволюционную, сократилась к

1922 г. до минимума. Количество школ (данные на 1 января 1922 года) первой ступени упало от 6052 до 4280 с 259 276 учащимися вместо 445 349 (4). Школы были без дров, без учебных пособий, с голодными учителями, с недоедающими и полураздетыми учениками. Писали на бересте, на деревянных дощечках углем или чернилами, изготовленными из свеклы, сажи, еловой коры. Неудивительно, что почти половина детей, ранее учившихся, оказались в эти годы вне школы.

Решающую роль в сохранении школьной сети сыграло привлечение широкой общественности к помощи школе. Еще до опубликования декрета Совнаркома от 16 сентября 1921 года руководство Уральской области принимает решение о необходимости финансировать школы, снятые с госбюджета, за счет самого населения (5).

В городах школы прикреплялись к фабрикам, заводам, учреждениям. В сельской местности вводилось самообложение населения. Самообложение сыграло решающую роль в поддержании школьной сети в условиях голода. В Пермской губернии уже к февралю 1922 года сельское население выдавало пайки 1080 работникам просвещения (27% от общего числа). В Екатеринбургской губернии за счет средств сельского населения в 1922/23 уч. году содержалось 2723 работника просвещения. Применялись и другие формы помощи школам: субботники по заготовке топлива, ремонту школьного оборудования, засева «школьных полос» и др. Таким образом сокращение школьной сети удалось приостановить. Весной 1923 года на школьном фронте начался маленький, но неуклонный подъем (6).

На 1 января 1923 года школьная сеть была представлена 4123 учреждениями (68,1% от числа учреждений 1920 года), 287292 учащимися в них (64,5% от числа учащихся в 1920 году), 7 997 педагогами (67,1% от числа педагогов в 1920 году) (7). В последующие годы школьная сеть продолжала расти. К 1927/28 уч. г. по всей Уральской области школу посещали 63-65% детей школьного возраста. По отдельным округам этот уровень был еще выше (8). В Пермском, Свердловском, Тагильском, Златоустовском округах школой было охвачено от 70 до 80% детей (9).

Большим достижением советской школы можно считать увеличение числа девочек в школе; если до войны они составляли в общей массе учащихся не более 25-28%, то в 1926/27 уч.г. - 37% (10).

Необходимо отметить еще одно важное явление, наблюдаемое с 1923 по 1926 год - значительное число отказов в приеме в школу. В 1923 г.-2 870 отказов, в 1926г.-5640 (11). Причины, называемые отделами народного образования при обосновании, отказов были самые разнообразные, наиболее частыми из них являлись - теснота учебного помещения, недостаток педагогического персонала, малолетство, великовозрастность, поздняя явка, неподготовленность или болезненное состояние организма ребенка. Самое большое число отказов наблюдалось по причине тесноты

помещения (12). Положение со школьными зданиями на Урале, как и вообще в Советской России было чрезвычайно тяжелым. Не ремонтировавшиеся в течение всего периода гражданской войны, интервенции, голода и занимаемые всюду для других целей, школьные здания пришли в совершенную негодность. Положение со школьными зданиями для Урала осложнялось еще тем, что в ряде округов, не имевших до революции земских органов, школьное строительство и в дореволюционное время было недостаточным. Особенно в тяжелом положении были национальные школы.

Школьных зданий, при быстро растущей сети, было недостаточно даже там, где бывшие земства уделяли значительное внимание строительству школ. Например в Пермском округе из 377 школ давших сведения - 209 располагались в специально выстроенных зданиях, 154 в приспособленных помещениях, остальные в абсолютно непригодных (13). По сравнению с другими округами, Пермский округ в отношении школьных зданий находился в более благоприятных условиях. Между тем из числа указанных - 49,3%-школы с отоплением, 50,7% - школы с холодными помещениями, 83,2%-светлые, 16,8%-темные, 88,6%-сухие помещения, 11,4%-сырые (14).

По Уральской области из обследованных (на Января 1925года) 2 808 школьных зданий-1 651 были специально выстроены и 1157- приспособлены (15). Из числа специальных школьных зданий 596 имели по одной классной комнате, 535-по две, 248 по три и только 121 - по четыре комнаты. Из приспособленных помещений одну комнату имели 497 зданий, две комнаты - 419, три комнаты - 143, четыре комнаты - 74 (16). Если госпланом была предусмотрена средняя площадь пола на одного ученика в 5 кв.аршин, то в уральских школах она едва достигала 3,5 кв.аршин в зданиях специально выстроенных под школы, и 2,5 кв.аршин в зданиях приспособленных (17).

В течение 1920-х гг. растут ассигнования по местному бюджету вместе с дотацией от центра на строительство новых школ. В 1924/25 уч.г.- 215 900 руб., в 1925/26 уч.г.-782 200 руб., в 1926/27 г.-1 381 900 руб. (18). В частности для Курганских школ в 1924/25 уч.г. было выделено 20 000 руб., в 1925/26 уч.г.-70 000 руб. в 1926/27 уч.г.-81 000 руб. из окружных средств и 65 000руб. из центрального школьного строительного фонда (19). Однако, хотя с 1924 года к концу 1920-х годов ассигнования по местному бюджету вместе с дотацией от центра на строительство новых школ выросли почти в шесть раз, школьных помещений было явно недостаточно, везде наблюдалась большая перегруженность школ учащимися. В некоторых округах, особенно зауральских в школьном строительстве активно участвовало крестьянство, иногда выстраивавшее школу на свои средства. Стихийный размах школьного строительства наблюдался в Че-

лябинском, Курганском, Ишимском округах. Курганский округ к 1927 г. имел 29 вновь построенных зданий, из них 8 по последним требованиям техники и педагогики. Челябинский и Ишимский округа насчитывали новые постройки десятками (20).

Достаточно длительное время школы не пополнялись школьным инвентарем. Обычно школы были оборудованы 3-х или 4-х местными партами, за которыми фактически располагалось 7 или 8 учащихся. В школах их называли «гробами с десятком муравьев». В классе таких «гробов» на 40-45 учащихся было всего 6-7 – не больше (21).

Учебное оборудование старой школы могло лишь частично удовлетворить потребности новой советской школы, хотя для использования годились например такие принадлежности как арифметический ящик, шведские счеты, географические карты. В годы разрухи и в первые годы мирного строительства учебный материал школ не пополнялся и не обновлялся. 1926/27 уч. г. был первым годом снабжения школ наглядными пособиями. Школы получили также из Наркомпроса метрические измерители, экономические и географические карты, учебные пособия по геометрии и др. Многие отделы народного образования в этом году смогли на 100% обеспечить школы оборудованием и инвентарем, а также своевременно заключить с государством договор на поставку учебников по рекомендованному УралОНО списку (22).

Увеличивалась и общая сумма бюджета на народное образование. К 1926/27 уч.г. она выросла в два раза по сравнению с 1924/25 уч.г. (23). Помимо бюджетных средств школы имели средства от оплаты за обучение детей лиц, живших, как считалось, на нетрудовые доходы (до 1926 г.), от Комитетов содействия школе или просто получали помощь натурой: крестьяне нередко сами ремонтировали школы, устраивали субботники по обработке пришкольного земельного участка. Нередки были и самообложения родителей в помощь школе. Например крестьяне одной из деревень Пермского округа собрали 120 рублей на ремонт школы и оплачивали за свой счет сверхурочный труд перегруженного работой учителя (24). В Златоустовском округе на заводе Аша общественные организации отпустили на учебники 700 рублей. Крестьяне Ишимского округа создали при школах хлебные фонды, насчитывавшие до 200-300 пудов хлеба (25). И таких случаев помощи школе было много.

В 1926 году в 3749 школах 64% учащихся составляли дети крестьян, 20,6% дети рабочих, 8,4%-дети служащих, 0,8%-дети торговцев, 0,6%-дети, родители которых являлись представителями свободных профессий, 0,5%-дети родителей на прочих работах (26). Такое распределение учащихся было вполне характерно для школ первой ступени (начальных школ) Уральской области.

Инспекторские обследования свидетельствуют о значительном проценте детей бедноты, не посещающих школу. Вопрос о непосещаемости школы был особенно тяжелым вплоть до 1925 года. Причинами непосещаемости были - работа на дому, уход на заработки, болезнь, отсутствие одежды и обуви и др. (27). Материальная необеспеченность населения была причиной почти половины пропусков занятий, поэтому актуальным был вопрос о помощи детям бедноты, для чего уже в 1927 году в областном бюджете предусматривалась сумма в 46 000 рублей (28).

Несмотря на все предпринимаемые усилия, школьная сеть существовавшая на Урале к середине 1920-х годов обеспечивала возможность обучения только 44% детей школьного возраста, а остальные, то есть большая половина находились вне школы (29). К 1926 году в Уральской области имелось 4 673 школы первой ступени, включая и 100 транспортных школ (30). Эта сеть школ обслуживала 345 802 человека. Еще 23 840 человек обучались в первых четырех группах школ-семилеток и девятилеток. Таким образом общее количество учащихся первой ступени обучения составляло 369 642 человека. По данным всесоюзной переписи 1926 г. детей школьного возраста на Урале имелось 605 615 человек. Следовательно школа первой ступени охватывала в 1926 году лишь 45,5% детского населения (31).

Сеть школ повышенного типа развивалась чуть медленнее сети начальных школ, хотя важность их на данном этапе развития системы народного образования была очень велика, особенно школ – семилеток, которые устраняли перерыв в 2-3 года между окончанием школы первой ступени и поступлением в профессиональные школы и школы фабрично-заводского ученичества, обучение в которых строилось на базе программ семилетней школы (32).

Большой популярностью среди крестьян пользовались, возникшие в 1923 г. школы крестьянской молодежи (ШКМ), которые давали общее семилетнее образование и некоторые навыки по ведению сельского хозяйства. ШКМ стала на достаточно длительный период почти единственным типом повышенных школ в деревне. Предполагалось реорганизовать все деревенские школы повышенного типа в ШКМ, а затем удвоить сеть этих школ (33).

Оживленную дискуссию среди уральской общественности вызывала судьба школы второй ступени, которая сохраняла традиции старой средней школы, ставя своей главной задачей подготовку в ВУЗы. Но лишь небольшой процент выпускников школ второй ступени мог рассчитывать на поступление в высшую школу, так как прием в ВУЗы был ограничен. Народный Комиссариат по просвещению подверг пересмотру задачи школы второй ступени и признал необходимость радикальной реорганизации ее второго центра, придав ему профессиональный характер (34).

Среди реорганизованных школ второй ступени самыми многочисленными были ФЗУ (фабрично-заводские). К середине 1920-х годов их было 39 с количеством учащихся - 3 200 человек. Школы ФЗУ готовили квалифицированных работников для тяжелой и средней промышленности (35).

Профессиональные школы ставили своей задачей подготовку работников для деревни (кузнецов, слесарей, плотников, столяров), для коммунального хозяйства и для кустарного и ремесленного производства (36).

Школы конторского и торгового ученичества строились по типу школ фабзавуча и готовили квалифицированных работников торговли и конторско-счетного дела (37).

Особенностью образовательной политики Советского государства того периода являлось предоставление преимуществ в получении образования детям рабочих и крестьян. С этой целью руководство области создавало уездные и районные комиссии из представителей общественных организаций по проверке социального состава учащихся школ второй ступени. Однако процесс увеличения рабоче-крестьянской прослойки в школах этого типа шел медленно. Причины этого крылись в материальных трудностях учащихся, в том, что подавляющее большинство этих школ было сосредоточено в городах, а также в непопулярности школ второй ступени (38).

В целом сеть школ повышенного типа на Урале (за счет роста семилеток и ШКМ) приближалась к нормам, установленным постановлением ВЦИК и Совнаркома от 31 августа 1925 г. – 12,3% учащихся от числа учащихся начальных классов (при норме-12,5 %) (39).

1. Показатели состояния народного образования на Урале. Свердловск, 1928. С.38.
2. Подготовка введения всеобщего обучения на Урале. Свердловск, 1927. С. 11.
3. Просвещение на Урале. 1927. № 2. С. 78.
4. Просвещение на Урале. 1927. № 2. С. 1.
- 5.
6. Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920-1937 гг.). Свердловск, 1970. С.56.
7. Просвещение на Урале. 1927. № 2. С. 15.
8. Там же.
9. Чуфаров В.Г. Указ. соч.С.58.
10. Там же.
11. Просвещение на Урале.1927.№2.С.16.
12. Там же.
13. Состояние начального обучения на Урале в 1925-26 учебном году. Свердловск, 1926. С.7.
14. Уральский рабочий. 1926. 28 февраля.
15. Там же.
16. Просвещение на Урале. 1927 № 2. С.17.
17. Уральский рабочий. 1926. 28 февраля.
18. Там же.
19. Состояние начального обучения на Урале в 1925-26 учебном году. Свердловск, 1926. С.12.
20. Просвещение на Урале. 1927. № 2. С. 18.

21. Уральский рабочий. 1926. 28 февраля.
22. Просвещение на Урале. 1927. № 2. С.19.
23. Чуфаров В.Г. Указ. соч. С.63.
24. Уральский рабочий. 1926. 28 февраля.
25. Там же.
26. Состояние начального обучения ... С.14.
27. Просвещение на Урале. 1927. № 2. С.20.
28. Там же.
29. Уральский учитель .1925. № 4. С.8.
30. Уральский рабочий. 1926. 28 февраля.
31. Там же.
32. Уральский учитель. 1925. № 1. С.6.
33. Там же.
34. Уральский учитель.1925. № 1. С.6.
35. Уральский учитель. 1925. № 4. С.8.
36. Уральский учитель. 1925. № 4. С.8.
37. Там же.
38. Хозяйство Урала. 1928. № 10. С.133.
39. Гришанов П.В. Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926-1937 гг.) ЧГПИ. 1982. С.9.

Бикмеев М.У. (Уфа)

Победа в Великой Отечественной войне – исторический феномен

Бывают события, даже весьма значительные для своего времени, которые по прошествии десятилетий стираются из памяти народов. Но некоторые из них не тускнеют от неумолимого бега времени, больше того – их значение только возрастает, что объясняется величиной и определяющей ролью этих событий в мировой истории. К ним, безусловно, относится победа советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов.

Победа в войне как положительный исторический фактор и цементирующий общество пример, привлекает внимание миллионов людей, а ее значение с течением времени только растет. Рост значения победы как важнейшего исторического события связан с ее универсальностью. Мы всегда, когда нам необходимо, возвращаемся к ней и всегда в ней нуждаемся. Победа все время служит нам: была нам необходима как в 1945 году, так и сегодня, несомненно, в ней мы будем нуждаться в будущем. Она нужна нам для воспитания всего общества и особенно подрастающего поколения. Возвращаясь вновь и вновь к великой победе, мы станем лучше и сильнее. Кроме того, победа дает нам возможность понять, какими мы были в прошлом, и какими мы можем стать в будущем, если, конечно, захотим и приложим усилия. Значение победы связано еще и с нашей гордостью. Мы гордимся нашей страной, внесшей решающий вклад в достижение победы. Мы гордимся внесшим существенный вклад в победу регионом, где мы живем. Мы гордимся своими